

НАША СТРАНА

SEMANARIO

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 1 de marzo de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 1 марта 1952.

N° 111.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

БАРОМЕТР ПАДАЕТ

Около года тому назад можно было говорить о том, что политика САСП по адресу России и СССР отличалась, наконец, в разумные формы: борьба против коммунизма в союзе с русским народом. Правда, и компетентные в американской политике люди, как В. Литвинский, и некомпетентные, как я, несколько раз предупреждали: в условиях демократической партийности возможны всякие неожиданности. Сейчас В. Литвинский в “Российском Демократе” пишет: “Декларация Конгресса о дружбе с народом России, принятая по предложению сенатора Мак Магона, на сегодня сдана в архив”... “Наметившийся было в начале 1951 года курс, который можно назвать “с русским народом против коммунизма”... курс не лишенный политической дальновзоркости, все более уступает место определенному рационализму, источником которого являются военные и близкие к военным круги” (подчеркнуто В. Литвинским).

Полк. С., статьи которого много раз появлялись в “Нашей Стране”, выражал в очень сдержанной форме политику “военных и близких к военным кругов”.

В. Литвинский подчеркивает: “на сегодня ставка делается НЕ на русскую эмиграцию, и даже не на зарубежных представителей “народов России” вообще, а на откровенно антирусские элементы “восточно-европейского происхождения”. ... “При всей неразберихе, дилетантизме и стихийности в сфере организации борьбы против советского режима, все более определенно очерчивается курс, который может быть назван курсом на расчленение России (подчеркнуто В. Литвинским).

Передовая “Соц. Вестника” (N° 12) горько упрекает “демократию” за то, что во Вторую Мировую войну эта демократия вступила без какого бы то ни было политического плана, и вступает так же и в Третью.

То, что один раз было ошибкой, может при рецидиве стать преступлением. Народы не должны допустить, чтобы их демократические правительства вступили в возможный мировой конфликт без ясной политической программы, без четко выработанных планов, без согласованной программы действий. Между тем, там и сям, иногда в очень высоких утверждениях, замечается отрывка времен 2-ой мировой войны: “дайте сначала выиграть войну, а потом мы посмотрим”. К сожалению, такие голоса раздаются не только в США, но даже в Англии. Стремление “сначала” разбить военную мощь СС-

СР заслоняет перед этими горелополитиками крайне важные политические перспективы. Так, английский генерал Фуллер, поверивший бандеровским рассказам, что в России 100 миллионов “националов” готовы хоть завтра поднять восстание против 100 миллионов великороссов, зовет на этот путь не только Англию, но и США, не пытаясь даже и подумать о том, что получится в результате осуществления его фантастического плана военными методами. Ему и в голову не приходит, что Восточная Европа, а вместе с тем и вся Европа окажутся в состоянии, которое будет экономически и политически еще гораздо более катастрофическим, чем все то, что пережил мир по окончании второй мировой войны в Европе и Азии.

Как видит читатель, это по существу решительно то же, что писал и я: реализация фуллеровских планов погубит прежде всего Англию. Но фуллеровские планы сейчас, на данный момент, можно считать почти официально принятыми. И, вне зависимости от информации В. Литвинского, трагический провал фюссенского “ублюдка” дает этим планам фактическое подтверждение.

Я только что получил, наконец, номер “Российского Демократа” со статьей С. Мельгунова о “Разбитых иллюзиях”. С. Мельгунов довольно обстоятельно перечисляет ошибки американцев и те последствия, которые эти ошибки могут иметь, или будут иметь. Все это решительно то же, что писала “Наша Страна” и год и два года тому назад: САСП льют воду на сталинскую мельницу. Интересна ссылка С. Мельгунова на заявление м-ра Вилльямса: “Демократическому общественному мнению Америки органически чужда поддержка политических групп, открыто идущих под флагов восстановления в России монархии, но оно будет приветствовать широкий политический фронт и вхождение в него конституционно-монархических элементов, поскольку они принадлежат к организациям так называемого непредрепшенческого типа”.

Заявление отредактировано несколько неграмотно: если конституционные монархисты, то, очевидно, что они “предрепшают” конституционную монархию, — иначе какими же они были бы конституционными монархистами? Но это заявление относится к исторически уже законченному периоду, когда некоторые круги САСП искали “разумных монархистов”, и когда они нашли только неразумных. Что же касается нашего Движения, — будем ли мы говорить о демократи-

ческом самодержавии, об ограниченной монархии и приоритете монархии над партиями — все это наше дело, а никак не американское.

Основная ошибка участников Фюссена и прочих таких мест заключалась в том, что они не сообразили сразу поставить вопрос о разграничении компетенций: а) борьба с большевизмом, в которой Америке, совершенно естественно, принадлежит ведущая роль и б) будущее устройство России, в котором Америке может принадлежать в лучшем случае “сөвещательный голос”. Если бы участники Фюссена и прочих таких мест этот вопрос поставили бы сразу, то не было бы скандала с СОНР-ом, и Сталину не было бы дано в руки оружие поистине страшной силы. Маршал Булганин это оружие уже пустил в ход. Он сказал: “Партия будет биться за свои идеалы, народ — за свою государственность”. Если бы не было СОНР-а у Булганина было бы меньше оснований говорить о защите государственности.

Не следует преувеличивать политическую вину фюссенских деятелей: такого даже и я от демократии не ожидал. Керенский и Мельгунов, в качестве демократов, имели некоторое право ожидать хотя бы приличия. Но не оказалось даже и приличия. И когда Керенский и Мельгунов от расчленения России отказались более или менее на отрез, — то на следующий же день были уволены ни в чем неповинные “штатные сотрудники” СОНР-а, а Дон Левин отказался дать теньги даже на уплату долга типографии за “Освобождение” — хотите действовать по-своему, платите своими деньгами. Это, конечно, уж просто неприлично. Такого не прилично ожидать было все таки трудно. Можно, в частности, надеяться на то, что опыт Фюссена, СОНР-а и Дон Левина несколько смоет демократические иллюзии Керенского и Мельгунова. Но, может быть, и не смоет.

Когда я назвал Фюссен “ублюдком”, я исходил из той презумпции, что ни одна из русских организаций, кроме Николаевского, который, впрочем, никакой “организацией” не является, на расчленение России не пойдет. Не пошла. Сейчас после СОНР-а “Российский Демократ” пишет:

“Когда угрожали нашим границам, предки наши перекрестясь, шли в сечу, в бой, и перед боем надевали чистые рубахи, значит, не хитрили, а шли на смерть верную за Веру, Царя и Отечество”

— чем не “Наша Страна”! Правда, продолжение несколько смято:

... “И потомки их, если границам предков будет угроза, пойдут в бой и тоже на смерть за Правду, Народ и Отечество” —

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
БАРОМЕТР ПАДАЕТ

Борис Башилов
МОЛЮКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?
(Продолжение).

Дрын
ОДОМАШЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ
(Маленький фельетон)

А. Строганов
СИНИЕ КОРОВЫ, ПОЛУСОБАКИ
И ПОЛУРЫБЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Lydia Nord
CARTA ABIERTA A
VYSCHINSKY

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА

В следующем номере

Проф. М. В. Зызыкин
ГОГОЛЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ
(Окончание)

не будем пока что придирается к некоторой перестановке слов. Действительно, пойдут. И пойдут во имя России. И не только русские, но и остальные народы. А. Богданов (“Р. Д.”) пишет: “Россия является не случайным нагромождением внутренне разрозненных элементов, а органическим образованием живого исторического процесса”. В том же журнале И. Михайлов подчеркивает тот же момент:

“Для нас Россия — не “восточно-европейская территория” и не “государственное образование, носившее некогда дорогое имя, а созданный веками и чреватый богатым будущим живой культурный и политически организм”. Такой же точки зрения придерживаются и А. Керенский и солидаристы, — хотя будущее этого “организма” каждый из них представляет себе по-своему. Совершенно понятно, что никакие переговоры ни к чему привести не смогли, в особенности, с сепаратистами того типа, которые говорили одному из сотрудников “Р. Д.” Г. Кизило:

“Мы не собираемся у русских спрашивать, отделяться ли нам от России или нет. Мы боремся за самостоятельную державу, и главный смысл нашей борьбы заключается в том, чтобы от-

делиться от России. Мы за это будем бороться с оружием в руках".

Главная изюминка заключается в том, что эти сепаратисты на "Украине" не жили никогда — это все галицийская интеллигенция, или, точнее, часть галицийской интеллигенции, "оторванная" даже и от своих же галицийских народных масс, которые стоят ЗА РОССИЮ, и, правда, не очень удачно, демонстрировали это совсем "демократическим способом", голосуя в САСШ за Московскую юрисдикцию. Голосовали за Россию в Бенешевской Чехии и голосовали за Россию переходом на сторону Белой Армии четырех петлюровских корпусов, составленных из галичан.

В общем: кучка, о которой М. Вейнбаум выразился так непочтительно и даже невежливо. Питомцы Франца Иосифа, Гитлера и Розенберга. И, главное, вовсе не "украинцы". Вопрос, значит, в том, каким же способом эта кучка повела за собою и Дон Левина и Американский Комитет, и Государственный Департамент. Думаю, что ответ будет чрезвычайно сложным.

Америка стоит перед выборами президента, — пока эта статья дойдет до читателей, результаты выборов уже будут известны. Среди голосующей американской массы имеется от 20 до 30 процентов выборщиков, настроенных активно антирусски. Это, прежде всего, поляки, — из совершенно понятной "исторической традиции". Это, во-вторых, немцы, что также соответствует кое какой традиции. Недавно немецкий полковник генштаба Вайнштейн выпустил книгу "Армия без энтузиазма". В ней приводится анкета среди германских генералов, сочувствующих правительству Аденауэра. Генералы великодушно отказываются "от гегемонии в Европе, но НЕ отказываются от гегемонии на Востоке: "Европа примет в свое лоно новую Пруссию, исторической миссией которой была на протяжении веков роль аванпоста Запада против Востока".

Это не очень грамотно: если "новая" Пруссия, то причем "историческая миссия"? И, кроме того, одна франко-прусская война Бисмарка, которую Россия, к сожалению, разрешила, другая война того же Бисмарка, которой Россия на этот раз НЕ разрешила, завоевание Франции в 1940 году — все это, все таки, очень мало похоже на "традиционную миссию аванпоста Запада против Востока". Но когда дело идет об аппетитах — логика безмолвствует. Безмолвствует даже и медицина — германские генералы еще раз собираются проглотить кусок, который совершенно бесспорно превышает их глотательные и их пищеварительные способности. Но мнение немецких генералов, конечно, не может остаться без влияния на голоса немецких избирателей в САСШ.

Таким образом, против России будет выступать "сознательный" блок процентов в 20 - 30 избирательной массы, — и это при том условии, что остальные 70 - 80 процентов не понимают абсолютно ничего. И в исторически обозримый период времени ничего понимать не будут. Русская демократическая пресса называет это политической наивностью, неопытностью САСШ в вопросах мировой политики и прочими вещами в этом стиле. В общем, русская демократия обращается с американской демократией безмерно культурнее,

чем с русской демократией обращался Дон Левин.

Это есть одна линия, данная, как исторический или, точнее, предвыборный факт. Другая линия заключается в военных. Как общее правило, почти не знающее исключений, военные люди в политике понимают очень мало, а в подавляющем большинстве случаев не понимают вообще ничего. Это относится ко всем нациям мира. Но, если Америка не имеет политического опыта, — то что уж говорить о ее генералах? Генералы рассчитывают дивизии и их огневую силу, строят стратегические планы и авиационные базы, — словом, "действуют по специальности": в расчете на голую силу. Именно их точку зрения излагал полк. С. — в очень сдержанной форме в статьях и в менее сдержанной — в частных письмах. Согласно его профессиональной логике, все это вполне уживалось с защитой ген. Мак Артура против президента Трумана: профессиональная солидарность. Полк. С., повидимому, не приходит в голову та возможность, что, если на место Трумана придет "военные круги", с их расчетом на голую силу, на атомные бомбы и на расчленение России, — то нам, русским, и Труман покажется удовольствием...

Третий фактор американской политики есть наличный расчет. Несмотря на рекордное в мире распространение чековых книжек, наличный расчет играет в Америке большую роль, чем он играл когда либо в истории человечества, и большую, чем он играет сейчас во всем человечестве... Не так давно вышла книга Ф. Утлея, "The China Story" и в этой книге рассказываются истинно потрясающие вещи о том, как был продан национальный Китай. Не проворонен, проигран и прочее, а просто продан. Подробности приводить не стоит. В том же "Российском Демократе" А. Богданов пишет статью о "Прокommуннистических влияниях в русском вопросе". Автор говорит, что "политика демократии часто льет воду на мельницу коммунизма", и что "потери демократического мира настолько грандиозны, что их нельзя объяснить только политической слепотой и наивностью государственных мужей". Я пока что оставляю в стороне вопрос, так почему же "Российский Демократ", и Богданов, и Керенский, и прочие пытаются навязать России строй, в котором неизбежно будет свистеть не только политическая слепота и наивность, а также и наличный расчет. Автор предупреждает "демократию": "Против Гитлера она имела Сталина, против последнего у нее не будет равноценного диктатора". Не будет. Ибо ген Франко, — если его окончательно и признает демократия, — не является силой в масштабах будущей войны. Войну придется вести в очень кислых условиях, о которых даже и такая военная знаменитость, какой, конечно, является ген. Фуллер, повидимому, не имеет решительно никакого понятия. Можно предположить, что в атомном оружии "Запад" раз в десять сильнее "Востока". Но можно утверждать, что зато он в двадцать раз уязвимее. Гибель Москвы для исхода войны не означает решительно ничего: не в первый раз. А что означает гибель Лондона и Нью-Йорка? На более боеспособная, но еще не существующая, армия "Запада", германская армия, будет драться — по полк. Вайнштейну — "без энтузиазма". Ос-

тальные будут драться еще хуже. Очень вежливые и очень культурные военные сводки союзников во Вторую Мировую войну называли американских солдат очень вежливо: зелеными — green, то есть не обстрелянными — не будем расшифровывать этой условности. Русские белые офицеры, по недоразумению военных судеб воевавшие на Западном фронте против американцев, выражались довольно странно: "жалко было в людей стрелять"... Для этого есть целый ряд чисто исторических предпосылок, анализ которых завел бы нас слишком далеко. Словом, такой военный специалист, каким, конечно, является генерал Фуллер, и германский генерал-полковник Вайнштейн хотят поднять против себя русского бойца, не имея в своем распоряжении ничего, хотя бы отдаленно равноценного ему по боеспособности. Конечно, средний и середняцкий обыватель САСШ обо всем этом не имеет ни какого понятия — а избирает он. Или думает, что избирает. И думает, что он хоть что то знает...

Мне только что прислали вырезку из газеты Examiner, S. Francisco, 25. I. — Там некий умный человек по имени L. Brubaker, пишет:

"Мы, которым сейчас под семьдесят лет помним еще, что русский народ был самым варварским и самым невежественным в мире — сейчас он по крайней мере изменился. Его любимым спортом было бросание бомб в царей. И в войне с Японией, вооруженной современным оружием, он дрался шомполами, вилами и дубинами... Убийство Царской Семьи было преступлением невиданным в истории цивилизованных народов... Теперь мы присутствуем при том, как эти невежественные рабы... смело утверждают свое воображаемое равенство с нашими выдающимися мыслителями и с нами, которые создали мировые ценности..." ну и так далее.

Что тут сказать? Можно было бы вспомнить казнь Карла Первого, Людовика Четырнадцатого, и англо-бурскую войну, — войну гигантской империи против крохотного народца, — но для русского читателя это не интересно, а американский этого все равно не прочтет. А, если и прочтет, то никак не поверит, что и Л. Толстой, и Достоевский и В. Розанов были "мыслителями" никак не хуже Эмерсона и что... не стоит, впрочем, говорить...

Лев Троцкий в период формирования Красной Гвардии проницательно говорил о том, что всякая армия в мире по традиции считает себя наиболее боеспособной. Такой же считает себя и американская армия. Спорить с этим, конечно, совершенно безнадежно.

Однако, "русско-американская политика" все таки не так безнадежна, как это может казаться сейчас. В. Литвинский пишет: "Единства во всей этой политике не чувствуется. 99% американцев остаются чужды "рационалистическим" настроениям Вашингтона (под рационалистическими настроениями В. Литвинский понимает военный расчет на голую силу)". Словом, придет и пройдет выборы, начнется война, в которой у САСШ нет, не будет и не может быть никаких завоевательных интересов, какие были у Германии, — и целый

ряд иллюзий будет отмыт кровью. Крови может быть пролито очень много. Но во всяком случае, в худшем случае, меньше, чем ее пролила советская власть.

ТЕПЕРЬ — О НАС

Мне все приходится подписываться под В. Литвинским. Это новый эмигрант, постепенно теряющий свои демократические ризы. Он пишет:

"Некоторая доля вины лежит и на тех русских политиках, которые проявили с самого начала слишком много готовности идти на уступки в национальном вопросе... то есть, показали отсутствие националистического хребта в среде русской политической эмиграции. Другая же часть, настроенная узко националистически, оказалась лишенной сплоченности, кадров и той минимальной политической квалификации, без которой никаких надежд на американскую поддержку быть не могло... Во все уж неприличный характер приносили выступления некоторых крайних правых групп, поднявших крик об "интернациональном еврейском капитале"... Неосведомленность, граничащая с невежеством, провела непереходимую черту между русскими националистами и теми силами, которые могли и хотели поддержать дело освобождения России".

Высказывания В. Литвинского целиком соответствуют тому, о чем я писал уже много раз и той информации, которую я получаю из САСШ. С одной только поправкой: непереходимой черты еще нет. И некоторые разумные монархисты пытаются в САСШ как то выправить тот разгром, который был нам нанесен "неосведомленностью, граничащей с невежеством". Я бы, собственно, писал бы просто о невежестве...

При самой поверхностной политической осведомленности было совершенно ясно, что группа Керенского и Мельгунова есть сама ярая группа эмиграции, могущая рассчитывать на САСШ. Монархические группы имели кое какие шансы, сейчас похороненные "невежеством". Поставим вопрос так: коммунист Ягода пытается ликвидировать коммуниста Сталина — стали бы Ягоде "мешать"? Полусоциалист Керенский ведет борьбу за ликвидацию коммуниста Сталина и против расчленения России. Есть ли какой бы то ни было разумный смысл ему мешать? И объявлять его то евреем Адлером, то евреем Каришим (по книге ген. Воейкова "С царем и без царя") и подымать неистовую личную травлю, причем на основании данных, которые любой В. Литвинский разобьет совершенно вдребезги любой исторической и даже хронологической справкой. Я, конечно, знаю — наша военная эмиграция А. Керенского очень не любит. Так я, ведь не приглашал полковников с ним целоваться и невест полковников выходить за него замуж. Вопрос был очень прост: Керенский и Мельгунов имеют шансы, оба они против расчленения России, — а больше нам пока ничего и не надо, — о монархии мы поговорим послезавтра, но тогда поговорим МЫ. Не надо было придавать антисоветской кампании характера обиды: вот нас, де, не пригласили, и нам долларов не дали, — а такой характер кампания приняла сразу. Я же считаю,

что например, мне с Исааком Доном Левенным разговаривать было бы "неуместно". Плох я или хорош, я как то представляю идею Российской Империи и Российской Народной Монархии. И, вот, прилечу я на деньги Дона Левина в Фюссен и буду я с Доном Левиним торговаться, как на слесском базаре: о границах империи и отделении от империи, о монархии и о конституции... Ему то, Дону Левину, какое до всего этого дело? А потом, скажет мне Дон Левин: "Ах, вы не хотите подписываться под расчленением, так я вам денег на обратный проезд не дам — сидите в Германии". Против последнего я, впрочем, в данных условиях ничего не имел бы, все таки ближе, но это, так сказать, частный случай. В качестве И. Л. Солоневича я мог бы подмахнуть свою подпись под любым "расчленением" — все равно ничего не выйдет и все равно никто с моей подписью считаться не будет. Но в качестве монархиста я такой подписи дать не могу. И даже и разговаривать о расчленении не желаю: хотите нашей помощи в деле борьбы с коммунизмом — пожалуйста. Не хотите — ну, что-ж, мы посмотрим. Смотреть, может быть, будет невесело. Как еще менее весело было смотреть из Берлина. Но, все таки, — я сижу в Уругвае, а в Берлине сидят большевики. В Уругвае невесело, но в Берлине еще хуже.

И все таки:

Есть многое на свете, друг Гораций,
Что нашей мудрости школярной
и не снилось.
Нашей "мудрости школярной"
снится сплошной вздор. Вот, только

что получили от очередной демократии очередное — я буду выражаться диалектом институтов благородных девиц — очередное а с а ж е. До этого были и еще кое какие. Вот, пишут о форменной неразберихе в САСШ, вот, видят форменную неразбериху во Франции и школярным мудрецам не снится одна, в сущности совершенно простая и совершенно очевидная вещь: американские миллиарды и американская демократия возможны только при том условии, что эти миллиарды и эту демократию защищают:

С востока — Атлантический Океан.
С запада — Тихий Океан.
С севера — Северный полюс.
С юга — Южный полюс.

Но, вот, представьте себе хотя бы на одну только минуту, что граница САСШ и России проходит не по двум океанам, а по современной американско-канадской границе. В этом случае Сталин съел бы демократию со всеми ее миллиардами, биржами, банками и бандами, этак в недели две, — это, повидимому, совершенно бесспорно. И если бы Россия со времен князя Олега до нынешнего года строилась бы на основах американской демократии, то сегодня Дону Левину и расчленять нечего было бы. Кажется — довольно ясно. Но не для школярных мудрецов.

Иван Солоневич

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ПОСЛЕ ПОХОРОН

После похорон обычно бывает тризна и после тризны — похмелье. В случае с СОНР-ом дело обошлось без тризны, похмелье наступило непосредственно. Думаю, что изучение причин и последствий СОНР-а по мере возможности объективное, — принесло бы эмиграции некоторую пользу. Затруднение заключается, конечно, в "объективности". Это сказал, кажется, Пуанкарэ (математик, не президент): "Ум есть благо наиболее справедливо распределенное среди людей: каждый доволен своей порцией". Само собой разумеется, что еще более справедливо распределена объективность: тут каждый доволен порцией соседа — слишком мало. Но в моем распоряжении несколько неожиданный довод в пользу моей объективности: Е. Кускова. Она приводит выдержки из "Нашей Страны" № 100 и говорит, что там сказано решительно то же самое, что сейчас говорит С. Мельгунов. Само собой разумеется, что это сказано не в похвалу "Нашей Стране", а в поношение С. Мельгунова, — хотя "Наша Страна" говорила ДО похорон, а С. Мельгунов — ПОСЛЕ. Некоторая разница есть. Но сейчас — не в ней дело.

Е. Кускова полемизирует даже и с Р. Абрамовичем. Тот считает, что "для эмиграции наступила эпоха политических действий". Политические

действия эмиграции приводят Е. Кускову в слегка истерическое состояние. Выражаясь по мере возможности объективно, нужно было бы сказать что старушка начинает окончательно выживать из ума — если, конечно, принять презумпцию о наличии такового в свое время. Статьи Е. Кусковой я не буду цитировать, но обязуюсь и не переверять: ее основное положение сводится к тому, что никаких революционных (или контрреволюционных) настроений в России нет. Народ стоит за советскую власть. Вот, раньше — при старом режиме — были. Вот, при старом режиме на революцию давали деньги Морозовы, Багровы и Мешковы, — сейчас не дают. "Бедные люди собирали с вечеров, балов и просто сборов — в "копилку революции". А сейчас не собирают: следовательно, никакой "революционной ситуации" в России нет и всякая эмигрантская политическая акция так и останется "без фундамента" — это заголовок статьи Е. Кусковой. Правда, Е. Кускова все таки признает, что Ленин "пользовался средствами немцев на производство революции в России... но ведь революция уже происходила, начиная с декабристов"... Мадам совершенно забывает о том, что Морозовы денег на новую революцию дать не могут, ибо они, Морозовы, истреблены. Что "бедные люди" сидят по концлагерям. Что политическая

такой же вопрос Польша поставила перед Германней: без своих восточных областей Германия жить НЕ может. Как ответит история на этот вопрос? Линией Одер — Нейссе Польша повторила трюк русской интеллигенции: использовала сегодняшний момент, без попытки заглянуть в завтрашние века. Летом 1917 года, русской интеллигенции удалось захватить власть. Сегодня, в годы контрольных комиссий, Польше удалось захватить восток Германии. Но ведь будут и завтрашние века!...

Я отстаиваю идею русского империализма, то есть идею построения великого и многонационального "содружества наций". Нужно, наконец, назвать вещи своими именами: всякий и великий народ есть народ империалистический, ибо всякий хочет построить империю и всякий хочет построить ее на свой образец: немцы — на основах расовой дисциплины, англичане — на базе коммерческого расчета, американцы — на своих деловых методах, римляне строили на основах права, мы строим на основах православия. Русскую систему я естественно считаю наилучшей. Если бы я был американцем — я считал бы наилучшей американскую. Впрочем, сейчас, в годы отсутствия русской монархии, и я считаю американскую лучшей из существующих. Во всяком случае, стоя на чисто имперской точке зрения, я обязан признать моральную законность и польского, и шведского, и даже немецкого империализма. Немецкий действовал истинно чудовищными методами. Но такими же методами действовала и Польша. Почти такими же методами действовала и Англия. И в нашей истории были вещи совершенно отвратительные, — вот вроде выдачи украинских повстанцев польскому правительству при Екатерине Второй, причем восстание организовало русское же правительство. Я утешаюсь тем, что Екатерина Вторая не была ни русской, ни царницей — случайная вывеска на пустом престоле. Но это, все таки, слабое утешение.

Мы обязаны констатировать тот факт, что мечта об объединении человечества в "едино стадо", в единое общежитие — есть древнейшая мечта всей человеческой культуры. Ее нужно констатировать как факт. Десятки государственных образований, десятки религий, сотни философий и прочего пытались объединить, если не весь мир, то, по крайней мере, его куль-

ный ответ, я боюсь, будет довольно затруднительным. Ибо это будет ответ о врожденных способностях нации. Мы можем сказать, что новорожденная русская нация проявила огромную способность к уживчивости. Что, следовательно, она сумела как-то сколотиться из неизвестного нам количества более или менее неизвестных нам людей, племен, религий и прочего, — и этот "кооператив" или эта "артель" оказалась сильнее своих предшественников — ибо она была прочнее: она не отталкивала от себя никакой силы, готовой работать совместно: варяги — давайте варягов, турки — давайте турков. Мы можем также, отметить и то техническое изобретение, которое ни до ни после России не удавалось никому: это система обороны страны от огромных конных масс, обладавших огромной стратегической подвижностью.

В 1066 году через Киев, по пути к печенегам, проезжал немецкий миссионер епископ Бруноф. Князь Владимир Святой лично провожал его до границ своей земли. Об этих границах Бруноф пишет: "они со всех сторон ограждены крепким частоколом на весьма большом протяжении, по причине скитающихся около них неприятелей".

Эта система возникла не при Владимире Святом. Уже за это лет до него киевские князья "рубят города" на границах своих владений, заселяют эти города "лучшими мужами", соединяют их рвами, засеками, заставами — словом, организуют очень сложную укрепленную систему, которая в почти неизменном виде повторяется и при Иване Третьем, и при Борисе Годунове, и при Потемкине Таврическом, и, наконец, продвигается в казачьи области Терека, Семиречья, Забайкалья и Амура. Вспомните станицу в "Казаках" Льва Толстого: те же "города", засеки, вышки и прочее. Позже мы увидим, с какой железной настойчивостью, с какой организационной тщательностью, с каким муравьиным терпением строила Москва свою "Китайскую стену" против востока. Как эта стена, зародившись почти у самых стен Москвы, в Коломне, Кашире, Серпухове — продвинулась до Балтийского, Черного, Каспийского и Охотского морей.

В мировой истории ничего похожего на эту систему нет. Китайская стена была более грандиозным сооружением, но она ничего не остановила. Она была неподвижной. Наша — была

эмиграция старой России насчитывала сотни две, теперь она насчитывает миллиона два и что если "революция начиналась с декабристов" — то ведь и контрреволюция "начиналась" с Белых Армий, Кронштадтского, Антоновского, Ярославского и прочих восстаний. Но

... Ветру и орлу и сердцу девы нет закона.

Сердце девы влечется к большевикам. Они и есть представители русского народа, ибо именно они сумели миллионов пятнадцать посадить в концлагери, миллионов сто отправить на тот свет, и организовать такой аппарат террора, какого в мире еще не было.

Можно понять "Новое Русское Слово", если оно дает место для полемики К. Деникиной с "антиденикинцами", но зачем помещать совершенно бесспорный вздор?

И У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Между Доном Левиным, с одной стороны, и А. Керенским, с другой, идет нелепая полемика о входящих и исходящих виссбаденских совещаний, полемика решительно никому ненужная и неинтересная, ибо она категорически обходит основной вопрос: так кто же, в конце концов, навязывал СОНР-у расчленительные тенденции? Ибо за этим вопросом стоит и еще более существенный: кто их еще будет навязывать? И какие у "него" есть для этого возможности? На все это ответа нет. Меньшевик Д. Далин оказывается, как это ни странно, единомысленным с "Нашей Страной":

Предвидеть неизбежное поражение, бесплодность усилий, бесцель-

ность уступок и длинный путь унижений и позора — все это было вполне возможно, было нетрудно и было обязательно. Долгом каждого политического деятеля было измерить температуру Штуттгартско-Мюнхенских вод раньше, чем в них окунуться.

Мы у разбитого корыта, пишет г. Мельгунов. Нужен был год испытаний, промахов и грубых ошибок, чтоб заставить г. Мельгунова отказаться, наконец, от участия в "политическом балагане", как он теперь выражается.

Я тоже выразился о "балагане". Выражение, конечно, слишком мягкое, но если "балаган" был виден даже из южного полушария, то почему его нельзя было предусмотреть из Нью-Йорка и Парижа? Этот вопрос наводит на довольно мрачные размышления о той "учебной команде", в которой русская эмиграция находится уже треть века и в которой она не научилась ничему — ни правая, ни левая.

НЕЗНАКОМЕЦ

Трудно сказать, чему научит С. Мельгунова опыт СОНР-а? Сейчас вокруг этого печального наследства разыгрывается дополнительный скандал. Есть у С. Мельгунова любимый сотрудник и сотоварищ, — некто Бобров. Д. Далин называет его г-ном Коллабо и повествует о том, что сей Бобров во время войны был редактором газеты, издававшейся немецким "пропаганда - абтайлунг" в Минске, членом Российской Национал - Социалистической Партии, вождем которой являлся очень печальной памяти

"атаман" Каминский. Потом, от вдовства герра Геббельса тов. Бобров попал в "Социалистический Вестник", потом попал к Мельгунову, в "Возрождение", потом в СОНР, откуда его, впрочем, Американский Комитет все таки вышиб вон. Потом попал в Мельгуновский "Российский Демократ", где считается "ценным сотрудником". С. Мельгунов обвиняет Д. Далина во лжи и клевете. Д. Далин обвиняет С. Мельгунова в том же. И повествует о том, как г. Бобров затеял было третейский суд и как он от этого суда улизнул. Д. Далин считает несомненным с журнальной этикой называть имя Боброва и именует его г-ном Коллабо. Говоря по совести, я не вижу никаких этических оснований для того, чтобы как бы ни было скрывать существование политического жулья. И если исключить какое то невероятное стечение обстоятельств, которое принудительно бросило г-на Боброва, Соловьева, Голубовского — имена же его Ты, Господи, веши, — из объятий Геббельса в объятия Абрамовича, из объятий Абрамовича в объятия С. Мельгунова, из объятий Мельгунова в СОНР, — то самая вероятная характеристика будет очень проста.

С. Мельгунов всячески поносит Д. Далина за нарушение журнальной этики, но НЕ отрицает сообщаемых Д. Далиным фактов. И не ставит вопроса о том, в какой именно степени соответствует какой бы то ни было этике миграция г-на Боброва от Геббельса к Абрамовичу. И, — еще, — соответствует ли какой либо этике квалификация моих статей о Фюссене и СОНР-е, как "разнузданных"? В особенности, после того, как сам С. Мельгунов был вынужден приз-

нать все основные положения, которые я в этих статьях изложил. Боюсь, что этика С. Мельгунова носит несколько односторонний характер. И его политический опыт — тоже.

На основании моего личного семнадцатилетнего опыта в СССР я хочу предупредить эмиграцию: с волной новой эмиграции в Зарубежье попала какая то прослойка советского актива, которая состоит из прожженного, пронзительного и многоопытного жулья. Убеждений у него нет никаких — есть угождение. Навык "пографлять", и поиски, а где бы тут паек пожирнее перехватить? В статье г-на Б. Бапилова о "Морлоках" перечислен ряд новых эмигрантов, поносящих русский народ из всех своих литературных сил. Полемицировать с ними, да еще на страницах русской печати, по-моему, не стоит: это есть жулье, за деньги потрафляющее антирусской моде некоторых, хорошо снабженных деньгами иностранных кругов. "Генеральную линию" они привыкли улавливать по малейшему дуновению ветерка. С ними в политическую эмиграцию пришел принципиально новый слой: слой профессиональных подхалимов. Мы можем соглашаться с Р. Абрамовичем или с Н. Чухновым, можем не соглашаться, но, повторяю еще раз, старые русские политики не продавались и не продаются. И в нашу, все таки о общую среду входит принципиально новый элемент: люди, которые делают любую политику за любые деньги. Опасность этого, в конце концов, заключается в том, что в какой то решающий момент, на каком то решающем пункте, Сталин даст наибольшие деньги.

подвижной. Ничего не остановили и римские валы, протянутые по границе между римским и германским миром. Наша система обороны не имеет даже своего названия — но и без названия она свое дело сделала. О ней мы в сущности знаем очень мало. Именно она является тем "неслышным фактором мировой истории", который, как говорит Лев Тихомиров, и определяет судьбу народов.

Эта система в почти неизменном виде продержалась больше тысячи лет. За эти тысячу лет у нас были хорошие Цари, но были и плохие. Были великие полководцы, но были бездарные. При всех них и даже независимо от всех них — Русь Киевская, Московская, потом Петербургская — из века в век строила свои вооруженные рубежи, все дальше и дальше передвигала их на восток, юг и запад — и вот теперь товарищ Сталин имеет удовольствие опираться на одну шестую часть земной суши, — но пройдет и Сталин...

У ИСТОКОВ ИДЕИ

Всякий народ, в особенности всякий великий народ, претендует на то, что он несет человечеству какую то свою идею. История просматривает эти национальные претензии и большинство из них выбрасывает в мусорную яму. Идея, изъятая таким образом из жизненного оборота, становится трагедией нации, язвой ее желудка и раком ее печени: она съедает народ. Она ставит перед ним явно непосильную задачу, конструирует некую "миссию", в жертву которой приносится национальное бытие.

В нашем ближайшем соседстве есть два примера — разных примера неудавшейся идеи, задачи, миссии — как хотите. Рассматривая историю Польши с точки зрения самой элементарной исторической схемы, мы должны будем признать тот факт, что Польша 14 — 16 веков имела неизмеримо большие шансы на построение империи, чем их имела Москва. Польша не подвергалась таким страшным налетам с востока, каким подвергалась Русь, ее культурные, экономические, географические и прочие предпосылки были неизмеримо лучше наших. За Польшей, в сущности, одно время стоял весь европейский католический мир, рассматривавший Польшу, как свой форпост.

Со времен Болеслава Смелого (начало 13 века) до Второй Мировой войны Польша упорно и жертвенно разбивала себе лоб о Россию. Именно там ей чудилась ее "миссия на востоке". Весной 1940 года полуживое правительство полуживой страны, уже полностью оккупированной и немцами и Советами, требовало (из Лондона) восстановления Польши "от моря до моря", то есть, от Риги до Одессы. Нет ни какого сомнения в том, что в ближайшие годы это требование будет повторено. И нет никаких оснований сомневаться в том, что его результаты будут прежними: только дальнейшая порча, и без того весьма основательно испорченных всей предыдущей тысячу лет, русско - польских отношений. Мы должны отдать себе совершенно ясный отчет в том, что перед Россией еще лежит довольно длительный период слабости:

Горемычные дороги
Все еще не пройдены...

Дороги нашей революции пройдены еще не все, оплачено еще не все. И в числе тех счетов, которые нам будут предъявлены к оплате, будет и такой: Польша от моря до моря. Из этого не выйдет ничего. Но это будет означать новое ухудшение положения Польши решительно во всех отношениях.

Швеция Карла 12-го тоже мечтала о миссии на востоке — в более скромных масштабах и с применением более культурных методов. Сейчас шведы говорят: мы отмечали нашу мечту о великодержавности, мы хотим хорошо устроиться у себя дома. У себя дома Швеция устроена лучше, чем какая либо иная европейская страна. Швеция попробовала и бросила. Польша — пробует тысячу лет и никак бросить не может. Польский народ талантлив и чрезвычайно боеспособен. Но его ведет галлюцинация — такая же, какая вела русскую интеллигенцию. Как, все таки, объяснить тот факт, что за всю тысячу лет Польша ни одного раза не заинтересовалась вопросом о том море, которое лежало у нее под боком — в Штеттине (польское Штитно), в Данпиге (польский Гданск) и в Кенигсберге (польский Кролевец). Что все это было из рук в руки передано немцам, и что все усилия страны были брошены по направлению Киев - Москва? Польша, времен ее самого высокого расцвета, поставила перед Россией, времен ее самого глубокого падения, вопрос о "быть или не быть" — и получила свой ответ. Теперь

Основная забота об этом жулье лежит, конечно, на новой эмиграции. Именно новая эмиграция выбила г-на Иргизова из Общества политкаторжан, она же разоблачила и г-на Боброва с его многочисленными именами. Но новая эмиграция недостаточно резко протестует против антирусских выступлений всех этих морлоков, рабов, кроликов с прижатыми ушами — против всей той антирусской пропаганды, которую ведет советский актив на неизвестные нам деньги.

Этот актив будет очень серьезной проблемой в России. Готовиться к решению этой проблемы нужно уже здесь, в эмиграции. Эта задача, совершенно естественно, ложится, прежде всего, на плечи новой эмиграции. Да и пятно от этих морлоков расплывается на новую эмиграцию прежде всего: никто, ведь, не поверит, чтобы новая эмиграция состояла бы из сплошных и счастливых исключений из общего кроличьего уровня людей в СССР.

“ХУДОЙ И ТОЛСТЫЙ”

Г-н Касьян Прошин в двух статьях в “Новом Русском Слове” передает в литературной форме подслушанный им разговор какого-то “худого” и какого-то “толстого” эмигрантов по поводу моих статей о “Великой фальшивке февраля”. “Толстый говорит, что в статьях “есть здоровые идеи, например, о “подпрапорщиках”, которые мыслят примитивно и нуждаются в простых символах... Конечно, это надо понимать иносказательно. Иные подпрапорщики теперь в профессорах числятся”...

Числятся. Иногда даже и в министрах. И мыслят даже и не символами, а просто вздором. В общем “толстый”, — вероятно, оптимист, — стоит на моей стороне. “Худой”, вероятно, пессимист, возражает: революция была неизбежной в силу целого ряда исторических причин:

“Худой”: “Февраль был неизбежен, он был прыжком народа на высший уровень, но прыжок был плохо рассчитан”.

“Толстый”: “И. Солоневич видит корни революции еще глубже — в реформах Петра Первого”.

“Худой”: “Да, он, повидимому, на стороне царевича Алексея Петровича, ему хотелось бы, чтобы Россия продолжала бы быть за Железным Занавесом с семнадцатого века по настоящее время... Рецепт спасения — сохранение боярско-крепостнической Руси в прошлом и крестьянско-монархической патриархальной идиллии в настоящем”.

Я боюсь, что ни один из собеседников не уловил смысла моих статей. Само собою разумеется, что революция 1917 года, или — точнее — ряд революций 1917 года, явились результатом всей суммы предшествующих исторических событий. Но “рецепт спасения” “Худой” собеседник излагает уже совершенно по-своему. И излагает его несколько неграмотно: ибо, нельзя сохранить того, чего нет. Нельзя “сохранить” боярско-крепостническую Россию в прошлом, — ибо ее нет, и нельзя “сохранить” монархическо-патриархальную идиллию в настоящем, ибо в настоящем ее тоже нет. Как можно сохранять несуществующее? Но несуществующее можно строить. Можно строить, исходя из двух исходных пунктов: первый — абстрактные построения о том, каким должно быть человеческое об-

щество на основании плана, вычерченного Марксом или Байдалаковым, и второй — реальные и индивидуальные данные: народ, страна, климат, география, история и прочее. В 17 веке Россия НЕ БЫЛА крепостнической. Крепостное право было прикреплением к государственному тяглу, но не было правом частной собственности на человеческую личность. Подпрапорщики профессорского запаса упорно и настойчиво называют одним и тем же именем разныи исторические и юридические явления. Основной причиной революции 1905 и 1917 г. г. были экономические, социальные и бытовые пережитки крепостничества. “Худой” — прав: страна была против этих пережитков. Но он не прав, предполагая, что “самодержавие” пыталось их сохранить. Подпрапорщики слева винят во всем “самодержавие”, подпрапорщики справа — винят, скажем, Керенского. Между тем, события развивались в не и самодержавия и “Керенского”. Правящий слой пытался путем дворцового заговора продлить свою угасавшую жизнь по возможности дольше и просчитался катастрофически. Левые обрадовались “манне небесной”, и просчитались почти так же. “Почти”, — ибо в Кремле и до сих пор сидят все таки “левые”. Их “просчет” еще не пришел. Но и он придет.

Русь 17 века наиболее полно выразила национальную индивидуальность России. Народно-Монархическое Движение пытается восстановить индивидуальное развитие России, что противоречит левой концепции истории, но МВД пытается возродить индивидуальное развитие в современных социально-исторических условиях, — что противоречит правой концепции. Мои статьи имели ввиду, в частности, борьбу против мышления символами — мышления, которое, если верить этногра-

Дрын

Одомашенный социализм

Перед войной в СССР было массовое увлечение перевоспитанием диких животных в домашнюю скотину. Даже специальное слово выдумали — одомашивание. Биостанции, племхозы, даже передовые совхозы, — все стремились одомашнить какую-нибудь животину.

И какое зверье только не одомашивали! На севере — птицу гагу ради ее пуха, в Сибири — лосей возить по снегам приучали, а в Казакстане попробовали даже организовать отряды диких котов для истребления сусликов.

Результаты, конечно, разные получались. Гаги, например, прекрасно одомашнились, розжирели, в настоящих домашних уток превратились. Одна беда: сжирали они раз в десять больше, чем стоил их пух. И лоси по чту возили по снегам. Только у них порой рецидивы дикости бывали: везет лось нарты, примерно в Вилкойск или на Индигирку, вдруг взбрыкнет и завернет в тайгу на полной скорости. А вот с дикими кошками совсем конфуз выпел: воспитателей перекусали, директоров перепарапали.

Когда мы, “новые”, к европейскому социализму присмотрелись, удивительно он нам это одомашивание напомнил. “Старые” — то уже по привычке, не замечают, да с советской воополитикой мало знакомы, а для нас картина ясная! В точности.

фам, специфически свойственно “дикарям”. Мир, однако, вступил в полосу бесспорного одичания. Оба собеседника К. Прошина не заметили двух фактов: полного и окончательного (“в мировом масштабе”) провала всяких социализмов и надвигающегося провала демократии, провала, который, вероятно, тоже будет окончательным. “Худой” говорит: “Есть три дороги: к рабству, к демократии и к реставрации, но с последней наступает и реставрация всех причин, приведших к революции”.

Здесь “Худой” допускает передержку, будем надеяться бессознательно:

Реставрация монархии в России никак не означает и реставрацию старых социально-политических и экономических отношений. И, следовательно, не означает реставрацию причин, приведших к революции. В всех причин мы установить не можем — эта попытка привела бы нас к вопросу об изгнании из рая, к вопросу, на который у политики ответа нет: мир во зле лежит — ну и дальше что? Но ближайшие причины мы можем и установить и устранить. Так, в частности, реставрация монархии означает “реставрацию” свободы труда, но НЕ означает реставрации сословного строя. “Три дороги” “Худого” собеседника лучше было бы сформулировать несколько иным образом: всякая власть во всяком человеческом обществе может быть основана на Боге, рубле или чрезвычайке. То есть, на совести, капитале или насилии. Мы стремимся “реставрировать власть совести”, свергнутую в феврале 1917 года и безумием справа и безумием слева.

Иван Солоневич

На складе у всех представителей “НАШЕЙ СТРАНЫ” “ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ” Цена 2 ам. доллара

Маленький фельетон

Вместо Обзора печати

СИБИРЬ И НАГАЙКА

“Голос Народа” приводит слова Айзека Дон Левина, сказанные им в Мюнхене во время собеседования с “общественными и политическими деятелями российского зарубежья”:

— Даже у среднего американского интеллигента, не говоря уже о народе, представление о русских монархистах неизменно связывается с Сибирью, нагайками и прочими атрибутами в том же роде... Дело самих монархистов опровергнуть такое мнение...

Не думает ли Айзек Дон Левин, что для борьбы с коммунизмом важно не то, с чем связывает представление о русской монархии средний американский интеллигент, а только то, что думает о русской монархии сам русский народ?

“НАРОДНАЯ ПРАВДА”

“Наша Страна” заботится о том, чтобы ее читатели были не только хорошо, но и своевременно осведомлены — сообщение о предстоящем выступлении “инициативной группы беспартийных антикоммунистов” было напечатано у нас 9-го февраля, то есть накануне того дня, когда сама “инициативная группа” огласила свое обращение в Мюнхене и в Нью Йорке.

“Наша Страна” была первой газетой, которая — 5-го января — сообщила об исключении редактора “Народной Правды” и секретаря Российского Народного Движения Романа Гуля из организации А. Ф. Керенского.

В “Русской Мысли” от 30-го января напечатано письмо вице-председателя Российского Народного Движения проф. Б. А. Константиновского, в котором наше сообщение названо “не соответствующим действительности измышлением”.

А в “Новом Русском Слове” от 13-го февраля тот же Б. А. Константиновский приводит длинный список “преступлений” Романа Гуля и сообщает, что центральный комитет его организации постановил:

— Исключить Р. Б. Гуля из членов Российского Народного Движения... На языке наших республиканцев, это называется “народной правдой”.

Х.

Товарищи Аронсон, Двинов и Санир тоже марксистского духа не теряют. Так в нос и шибает. Самому Абрамовичу так достается, что прямо хоть марксов выноси и сдавай коммунистический манифест в музей в качестве 104-летней древности! Трудно ему, бедняге на старости лет! И рад ему, бедняге на старости лет! А с такими котами поделаешь! А с ними и в приютское заведение Второго Интернационала не пускают.

— Чего вы, — говорит он, — от меня хотите? Чтоб я “весталкой” сделался и в “келью под елью” сел? Со всем это даже неприлично по нынешним временам! Одомашиваюсь и никаких!

Что ж поделаешь? Времена тугие! На кой черт и “Капитал”, коли он не в твердой валюте? Какая от него прибыль?

Дрын

Борис Башилов

Морлоки или русские люди?

4

Допустим все так, что комендант Валдая был немцем, которому так-называемые подсоветские (одно словечко то чего стоит!) показались слишком в розовом свете. Допустим, что Н. Жигулев сотрудник "России", газеты правого направления, и поэтому не заслуживает доверия от людей прогрессивного мировоззрения. Поищем тогда свидетелей того, что наш народ не стал морлоками на страницах левых газет и журналов. Возьмем хотя бы, например, последний номер "Нового Журнала" (№ XXVI). "Новый Журнал" основан М. Цейтлиным, сотрудники журнала Н. Берберова, Степун, М. Вишняк, М. Карпович, Керенский. Секретарем редакции является сам Роман Гуль. Одни имена за сплошную "прогрессивность" говорят. Все такие прогрессивные имена, что и без прогрессистки Кусковой обойтись могут.

В последнем номере журнала вслед за романом Н. Берберовой "Мыс Бурь", напечатаны воспоминания Н. Воинова. Воинов бывший беспризорник. Отец его был инженером на одном из заводов на Кавказе. Но в один из дней весной 1929 года отца Воинова арестовали и сам он попал в Детский Дом. В Детском Доме было настолько ужасно, что Воинов бежал из него и стал беспризорником. События, которые описывает Воинов в своих воспоминаниях, охватывают один из самых трагических моментов русской истории — начало сплошной коллективизации, когда миллионы гибли от голода и террора. Спрашивается на какое сочувствие мог рассчитывать со стороны голодных истерзанных мучительной жизнью людей сбежавший из детдома сын без вести исчезнувшего в лапах НКВД инженера. Но предоставим слово самому Н. Воинову:

"Почувствовав себя окончательно потерянным, я громко заплакал. Ко мне подошла какая то седая, плохо одетая старуха и стала спрашивать меня, кто я и откуда? Я рассказал ей как умел, что ищу завод моего отца и назвал его фамилию. Взяв меня за руку, старуха вывела меня на улицу и прошла со мною несколько кварталов.

— Вот, теперь недалеко, ступай прямо, как до перекрестка дойдешь, сверни налево, тут завод и будет.

Я пошел по указанному ею пути и действительно вскоре за поворотом улицы увидел знакомую фабричную трубу и, наконец, и стену завода с нарисованным на белом фоне большими зубчатым колесом над токорым крупными буквами было написано: "Цвет-Мет". А в конце улицы виднелся противоположный обрывистый берег Терека.

У ворот завода на лавочке как всегда сидел старый Семеныч. При виде его меня охватила бурная радость и я со всех ног бросился к старику.

— Ты как сюда попал? Один. Да и грязный какой! — растерянно и удивленно говорил старик. Задыхаясь и рыдая я стал рассказывать Семенычу обо всем случившемся.

— Ну чего ты, сынок. Не плачь! Папы твоего сейчас здесь нету, папа вернется... Ты не того, не горюй... Обойдется, сынок, — ласково

боромотал старик, глядя меня по голове: — Ты, чай голодный, — и он повел меня в свою сторожку, где усадил за стол.

— Ишь, орел какой, сам добрался. Правильно. Ну пока отец вернется, маленько со мной поживешь и мне, старику, не так скучно будет, — проговорил он, глядя как я уплетаю борщ, согретый на маленькой печурке.

Старик уложил меня на сундуке, прикрыв своим полшубком. Все тело мое болело и ломило от усталости, ноги ныли, голова болела, но я был счастлив. Хоть отца я и не нашел, но у Семеныча мне было хорошо и спокойно. Старик долго еще что то говорил, но я его уже не слышал, я засыпал. Ночью меня мучили кошмары, я просыпался, звал отца, няню, а на утро очнулся весь в жару. Несколько дней я пролежал у Семеныча больной. Кое кто из заводских рабочих после работы заходил в сторожку. Слушая рассказы старика они с любопытством поглядывали на меня и качали головой".

Н. Воинов так описывает свою жизнь у Семеныча:

"... А время шло. Два года я прожил в сторожке. К Семенычу я привязался и к жизни с ним привык. Целые дни я проводил в мастерских или во дворе, роясь в кучах сваренного железного лома или возился в столярной мастерской. Плотник иногда мне делал деревянные игрушки: лошадки, аэропланы, коньки из дерева. Иногда он позволял мне брать инструменты и, показывая как надо ими работать всегда приговаривал: — Учись, сынок, в отца пойдешь — хорош мастер будешь.

Из его рассказов я постепенно узнал, что отец был инженером и сам хорошо знал все заводские работы, что его тут все уважали и любили, что он сам всегда умел рабочим показать, как надо что сделать и часто сам работал у станков, засучив рукава. Я узнал, что завод этот был построен отцом еще до революции. Начал же отец с маленькой мастерской, а потом развил большое дело. После революции завод перешел государству, отец же остался в нем директором. Плотник этот служил у него с давних лет. Однажды он мне показал в заводской конторе толстую книгу и сказал, что эта книга техническая и написана отцом. С тех пор я стал часто забегать в контору, чтоб полюбоваться этой книгой и хоть подержать ее в руках. Уж один вид ее, а тем более прикосновение к ней, наполняли меня беспредельной гордостью и еще большей любовью к отцу.

За два года рабочие на заводе ко мне привыкли, я стал у них своим, "заводским", и постоянно бегал по их поручениям. Многие из них часто делились со мной обедом, который они обычно приносили с собой в котелках. Иногда рабочие посылали меня за водкой в монополюку. Иногда и мне давали выпить. Я кашлял, морщился, а они смеялись. Мало по малу я вошел во вкус, мне понравилось ощущение теплоты, дурмана и приятной легкости.

В дни, когда рабочие получали зарплату, они часто давали мне по несколько копеек на "семечки", а иногда и по целому рублю..."

Так описывает Н. Воинов отношение современных русских рабочих к сыну бывшего владельца завода бесследно исчезнувшего в подвалах НКВД. Стоит ли дополнять еще чемнибудь эти описания Н. Воинова. Разве не дают эти отрывки яркое представление о том, как ведет себя средний современный русский рабочий, что не все русские люди стали морлоками, что не все озверели.

Да и как это вообще могли все поголовно озвереть. Ведь так, как думают о современном русском народе М. Коряков, Л. Галич, Куракин, могут только люди совершенно оторвавшиеся от народа, никогда его не знавшие и никогда в него не верившие.

М. Коряков знает, конечно, современный русский народ лучше, чем Леонид Галич. И из каких соображений М. Коряков порочит родной народ, непонятно. С Леонидом Галичем дело обстоит яснее, тут мы видим обычную интеллигентскую позицию. Сегодня народ кумир, а завтра он идолище поганое. Вымысел или приятный, или неприятный, но все равно интеллигентский вымысел. Забавное и отвратительное это существо, дореволюционный русский прогрессивный интеллигент. Бойтся он реального трезвого взгляда на действительность, как сказочная нечисть утреннего крика петуха.

Вед надо же настолько запутаться в тенетах собственных иллюзий и прогрессивных вымыслов, чтобы всерьез поверить, что возможно великий народ, насчитывающий свыше тысячи лет существования, за тридцать лет переделал поголовно в большевиков. Ведь это — вещь абсолютно невозможная. Для того чтобы понять что никогда этого большевикам не добиться, не надо читать ни сочинения гностиков, ни агностиков, ни Платона, ни Плотина, для этого надо иметь самый простой средний разум. Разум среднего человека не свихнувшегося от крайностей русских "прогрессивных" теорий.

Если русский народ после тридцати лет большевистского владычества оказался морально настолько разложившимся, что стал стадом зверей, то о чем тогда разговор! Кого же тогда призывают спасать господа прогрессисты. Если большевики сумели за тридцать лет сделать то, что до них никогда не удавалось никаким социальным утопистам, создать людей по образу и подобию своему, то о чем спят таки тогда речь. Тогда спасать некого. Тогда нечего рыпаться, а надо подчиниться неизбежному приходу большевиков в Северные и Южные Америки, в Канады, Новозеландии и Австралии. Потому, что если большевики сумели совершенно переделать за тридцать лет такой человеческий материал, как наш народ, то другие народы они сумеют переделать еще быстрее.

Но все это к счастью не так. Только те, кто уверовал в большевистские теории, верят в возможность создания особого советского человека и советского народа.

Недавно назначенный в Москву новый посол США Джорж Кеннан, знает жизнь современной России получше, чем Леонид Галич, знающий жизнь в ней только по тенденциозным докладом М. Корякова. Джорж Кеннан служил в Американском посольстве в Москве, проведя в России перед второй мировой войной, во время войны и по-

сле нее свыше десяти лет. Зная хорошо русский язык, русскую литературу и русскую историю, Джорж Кеннан имеет достаточное количество материалов чтобы судить о том, является ли большинство современного русского народа морлоками, или нет.

Вот что пишет Джорж Кеннан в своей обширной статье "Америка и русское будущее", перевод которой напечатан в том же номере "Нового журнала", что и воспоминания Воинова:

"... Безрассудное негодование, направленное против целого народа, никуда не ведет. Нужно подняться выше этих упрощенных детских представлений и воспринять трагедию России, как отчасти и нашу собственную трагедию, а в русском народе признать нашего сотоварища, в долгой и тяжелой борьбе за лучший порядок, при котором люди нашей беспокойной планеты могли бы жить в мире и в согласии с природой".

В другом месте своей статьи, замечательной своим беспристрастием и своей политической объективностью Д. Кеннан пишет:

"... Трудно определить в чем именно заключается величие той или иной нации. Каждый народ состоит из множества отдельных людей, а среди отдельных людей, как известно, нет единообразия. Некоторые из них привлекательны, другие неприятны: одни — честные люди, другие — не вполне; одни сильны, другие слабы; одни вызывают восхищение, другие у всех вызывают любое чувство, кроме восхищения. Все это верно, как в отношении нашей родины, так и в отношении России. Поэтому так трудно сказать в чем заключается величие народа. Одно можно сказать с уверенностью: оно редко заключается в тех качествах, которые в сознании самого народа, дают ему право верить в свое величие; ибо в народах, как и в отдельных людях подлинно выдающиеся достоинства обычно бывают не те, которые они сами любят себе приписывать.

И все же национальное величие несомненно существует; несомненно и то, что русский народ обладает им в высокой степени. Путь этого народа из мрака и нищеты был мучительным, он сопровождался безмерными страданиями и прерывался тяжелыми неудачами. Нигде на земле огонек веры в человеческое достоинство и милосердие не мерцал так неровно, сопротивляясь налетавшим на него порывам ветра. Но этот огонек никогда не угасал; не угас он и теперь даже в самой толще России; и тот, кто изучит многовековую историю борения русского духа, не может не склониться с восхищением перед русским народом, пронесшим этот огонек через все страдания и жертвы".

Так американец Джорж Кеннан опровергает клевету "русских" М. Корякова и Леонида Галича о русском народе.

(Продолжение следует)

Борис Башилов

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступили в продажу
"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ
НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 3 песо.

А. Строганов

Вместо фельетона

Синие коровы, полусобаки, полурыбы

Когда политическая бабочка - однополовая СОНР был в зените своей краткосрочной славы, на него как на жирного червяка бросились со всех сторон все человеческие малянки.

— Прилетели из Нью Йорка. Остановились в отелях. Платят долларами всем, кто разделяет их политические взгляды. Будут создавать комитеты, институт изучения СССР, газеты и журналы.

— Где? Где остановились?
— В Мюнхене, в отелях.
— Но в каких, вы знаете адрес?
Жадно хватили адреса и уплывали в том направлении, где жили прилетевшие, дававшие доллары за созвучные, одинаковые взгляды.

И появились комитеты. И появились институты по изучению СССР. И появились газеты, тонкие и толстые журналы. И могли в них развертывать свои таланты и свою беспринципность все те, кто так охоч до долларов, до убеждений оплачиваемых долларами.

И были послушны и покорны дающим доллары. И появились юмористические журналы с несмешными карикатурами и грустными юмористическими рассказами, от которых хотелось плакать. А в толстых журналах — статьи о гениальных Марках Шагалах.

Исаак дон Левин платит доллары. Доллары обмениваются на марки, на выменные марки издается “Литературный Современник”. Исааку Левину будет приятно, если в толстом журнале будет помещена статья о его гениальном соотечественнике Марке Шагале. Но некоторые читатели “Ли-

тературного Современника”, узрев снимки с некоторых работ гениального Марка Шагала весьма удивились.. Удивились и выразили свое возмущение. Но возмущаться нельзя.

Демократические порядки известны. Раз помещено фото с картин Марка Шагала, значит радуйся. Не понимаешь ничего, а все равно радуйся и изображай на лице восторг. Но некоторые из читателей “Литературного Современника” стали изображать не восторг, а одно удивление. Тогда их начали приводить в порядок. Со страниц органа СБОНР “Голос Народа”, непонимающих стал вразумлять Александр Волков. Стал вразумлять по демократически, не церемонясь с истинной. В таком, примерно, стиле:

“Мне довелось услышать голос одного почтенного старика, возмущавшегося тем что в номере втором “Литературного Современника” помещены фотографии с некоторых работ М. Шагала. Старичек, как выяснилось, приятель живописи, не шел дальше олеографии с картин Шишкина и Прявишников”.

А старичек, между прочим, все же был прав. И не только один старичек возмущался идиотской мазней Марка Шагала, снимки с которого были преподнесены в № 2 “Литературного Современника”. Я вот — не старичек, например, а от “творчества” Марка Шагала тоже в ужасе. Ну допустим услужливый Александр Волков — умный и все понимает, а я ничего не понимаю в современном искусстве, но вот выписка из книги немецкого художественного критика Федора Дейблера, написавшего книгу “Борьба в новом искусстве”. Теодор Дейблер поклонник Марка Шагала, а один из

виднейших вождей экспрессионизма Герварт Вальден называл лиризм Марка Шагала гениальным. Вот как списывает Теодор Дейблер произведения этого гения:

“У Шагала романтизм Степки-Растрепки. Синий юноша кичится пугливой своего пиджака: он принимает ее за орден... Голова “синего” отделена от туловища. На этот раз она не более чем толчек к бутылке. Последняя несется навстречу к летящей голове. Клепки на столе... тоже стремятся ко рту за бутылкой. На столе к тому же еще лежит чудовище — полусобака, полурыба”.

Или: “Два солнца в ночи. Телегу тянет белая лошадь... Ее жеребенок уже виден в материнском чреве, синяя корова лежит в желто окаймленной телеге и прижимается к черно-силой ночи. Может быть, и сама ночь беременна. Наверное животное должно быть зарезано, чтобы выйти в вышнюю ночь”.

Или: “Шагал показывает нам себя, как человека в луне. Патиновано-зеленый носится он с лейкой и звездобразными глазами на платки над куполами православных церквей. Как знамение более кротких будущих времен, стоит видимая во сне ослица”.

Что можно сказать об этой критической галиматее, посвященной изобразительной галиматее Марка Шагала? Приводя эти цитаты в своей книге “Последние итоги живописи”, С. Маковский пишет: “но я воздержусь от дальнейших цитат: и картины, и критика друг друга стоят. Жестоко поглупеть должен был современный художник, (а вместе с ним и критик), чтобы находить удовлетворение в этих бредовых ассоциациях в сумбуре этих синих коров, “беременных ночей” и “полусобак”-“полурыб”.

Да, жестоко должны поглупеть и современные художники и современные критики, которые до сих пор продол-

жают выдавать сумасшедшую мазню Шагала за последнее достижение современного искусства. Помещение снимков с картин Марка Шагала является для “Литературного Современника” вовсе не “своеобразной формой протеста против террора в искусстве”, как пытается доказать Александр Волков. Беря под свою защиту произведения Марка Шагала, Александр Волков защищает вовсе не “святое неприкосновенное право художника на свободу мысли и свободу творчества”, а лишь доказывает полное непонимание того, в каком изобразительном искусстве нуждается русский народ после освобождения от большевизма. После того, как современное русское искусство будет освобождено из холодных и унылых казарм казенного социалистического реализма, оно ни в коем случае не будет и не должно подражать бредовой мазне Марка Шагала. Картины Марка Шагала, на которых он изображает себя летающим с лейкой и звездобразными глазами над куполами православных церквей столь же нужны русскому народу, как и портреты Сталина, выполненные в стиле “социалистического реализма”.

А. Строганов

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА “НАШЕЙ СТРАНЫ”

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венеция — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. сент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сент.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п
В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.
Объявления о розысках — 1 долл.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ “НАШУ СТРАНУ”.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

— Ну, допивай, я тебе еще маковой росинки долью...

— Вот, это спасибо, — растроганным тоном сказал Степка, — а что жулик, так, если все мы перед Богом жулики, чем я лучше других?

— И это, Степка, правильно. А почему ты спросил, православный ли я?

— А, так, смотрю — Богу не молишься, водку пьете.

— Ну, водку пьют все — ее же и монахи принимают. А молитва, ты знаешь, что такое молитва?

— Ну, знаю, например, Отче Наш.

— Ну, а дальше как?

— Отче Наш, иже еси на небесах...

— А еще дальше?

Но этим богословские познания Степки и ограничивались.

— Так, вот, ты даже и Отче Наш не знаешь. А знаешь, что такое умная молитва?

— Нет, разве бывают глупые?

— Бывают. А умная это такая, какую человек в душе произносит, в уме... Так вот, ты даже и Отче Наш не знаешь, а меня спрашиваешь!

— А кого ж мне больше спросить?

— Спросить правда, некого. А в церкви ты давно был?

гли церквей — бывал. А потом и церквей никаких не осталось. Под склады и сараи пустили, — ну, не сволочи ли?

— Сволочи, — согласился отец Петр. — Допивай — я тебе еще маковую росинку налью. А потом, пошли спать. Нужно нам с тобой, Степка, дальше эвакуироваться.

— Как это вы сказали?

— Эвакуироваться. Смываться. Дранать. Понял?

— Дранать — это я, конечно, понимаю. А почему?

— Они и сюда доберутся. И вероятно довольно скоро. Я уже коней заказал. Езжай, Степка, домой, на заимку, к Еремее Павловичу! А?

— Тон у отца Петра был веселый и даже слегка возбужденный.

— Вот это — да! Хоть раз человеком пожить...

— А с займки, вероятно, придется тебе дранать еще дальше.

— Почему дальше?

— И тула, вероятно, доберутся. Китай уже почти захватили, а мы тут по дороге, да еще и ты с Еремеем Павловичем, Светловым и прочими такими людьми. Думаешь тебе твой мост там забудут?

— Вот, вся Россия кувырком пошла, даже и в тайге не спрячешься.

— Спрячемся. Я, впрочем, не в тайге...

— А вы — куда?

— Ну, мой путь — далекий путь, ты о таких местах никогда и не слышал...

Степка жалобно обвел глазами пещеру отца Петра.

— А жалко бросать все это — здорово у вас устроено.

— Вся Россия была устроена, а теперь что?

Степка вздохнул и покосился на бутылку.

— Сейчас, — сказал отец Петр странно сумрачным тоном, — весь мир придет в расстройство. Не только Россия. Так, вроде Страшного Суда всем людям на земле: справятся или не справятся?

— Ну, все люди — они то справятся.

— Неизвестно, — отрезал отец Петр. — в России, вот, не справились.

Степка еще раз покосился на бутылку.

— Ну, Бог с тобой, выпьем еще по одной и спать. Завтра начнем укладываться. Дня через три человек с конями придет — погрузимся и айда!

Степка медленно, в расщелку, вынул свой стакан и недолго сказал:

— Вот вы, отец Петр, говорите, жулик я. А я так понимаю, что это вы жулик...

Отец Петр подвинул на Степку веселый - изумленный взгляд.

— А это почему?

— А кто-ж вас знает? То ли вы

поп, то ли не поп, то ли вы шаман, разве разберешь?

— А зачем тебе разбирать?

Степка ощущал обычный в таких случаях прилив говорливости.

— Ну, скажем я — я человек простой. В тайге родился и, даст Бог, в тайге и помру. А вы — непонятно, кто вы такой. Ну, скажем, Валерий Михайлович, человек, конечно, образованный, его видно. А тут я смотрел, смотрел...

— ... и ничего не увидел?

— Как есть — ничего.

— И нечего тебе, Степка, видеть — не твоего это ума дело. Потом, может быть, чтонибудь и увидишь. А пока, — пошли спать.

Степку распирало изнутри от невысказанных слов, но отца Петра он, все таки, побавался. Если просто жулик, то еще ничего. А если и в самом деле колдун?

Отец Петр подвинулся из-за стола.

— Я, Степка, не жулик и не колдун. Вижу, что ты меня колдуном считаешь...

— А как же иначе? Вот вы и то напророчили, и то напророчили, и все, как есть правильно. Если бы еще Богу молились... А то и этого нет. Стало быть — колдун и больше ничего.

Отец Петр рассмеялся, не без некоторой горечи.

— Видали ли, Степка, жизнь человеческая устроена очень плохо. Вот я и пишу как бы ее устроить лучше.

О том, что человеческая жизнь устроена плохо, — Степке ни разу и в голову не приходило. Все устроено,

LYDIA NORD

CARTA ABIERTA A VYSCHINSKY

(Continuación)

De todo eso me convencí durante las investigaciones que los agentes de la NKVD hicieron para comprobar y demostrar "mi complicidad con mi marido". Si efectivamente mi marido hubiese sido culpable, siendo yo su esposa, nadie hubiera podido ayudarme a salir con vida del proceso que me siguieron.

Pero, gracias a Dios, mi familia quedó intacta, y para ella tenía yo que vivir. Según la Constitución Soviética yo tenía garantizado el derecho al trabajo, pero en realidad no pude conseguir trabajo de mi profesión, ni ningún otro trabajo en razón de que tenía antecedentes judiciales y además mi esposo había sido fusilado.

La lucha por la existencia era muy difícil.

Al fin, con muchas dificultades pude alcanzar el primer escalón de la vida. Paulatinamente subía algunos escalones más, pero siempre, en cualquier momento, de un solo golpe podían enviarme abajo nuevamente. Así llegué hasta cierta altura.

Yo no pensaba llegar muy alto, lo principal para mí era subir del bajo fondo.

El bajo fondo soviético, a donde Vd., si Vyschinsky arrojó por orden del Politburó a mucha gente honesta y talentosa es mucho peor que el "Bajo fondo" escrito por Gorky, porque del último, cada uno que allí llegaba podía sa-

lir si contaba con suficiente fuerza de voluntad; pero salir del bajo fondo soviético, sin el consentimiento del gobierno es casi imposible y uno arriesga mucho si trata de salir por sus propios medios.

La simple fuerza del destino, me levantó algunos escalones más, y pronto me faltaba solo un paso, para estar de nuevo dentro de la "casta".

Pero no quise dar ese paso. Dejé mi alma en el bajo fondo, donde en aquel tiempo se encontraban casi todos los intelectuales del país, y mi corazón en las tumbas cuyos lugares conocen solamente los agentes de NKVD y Vd.

Vd., Sr. Vyschinsky, ha marcado el rumbo de mi vida, me ha indicado el camino. Yo estudié la realidad de la vida soviética tan bien y tan profundamente como a su tiempo la teoría del comunismo y me convencí que aquella no tiene nada que ver con ésta.

Hace tiempo Vd. me enseñaba: "Los derechos no se otorgan, hay que tomárselos", y por eso yo me tomé el derecho de vivir en un país libre.

Sr. Vyschinsky, Vd. es demasiado inteligente para ser fanático. Su posición permite a Vd. ver las cosas y la gente tal como son en realidad. Vd. que tan a menudo visita el extranjero conoce perfectamente las costumbres de los países capitalistas, y con mucho gusto aprovecha las comodidades de la vida de estos países. Por eso, Vd. en su interior, nos da la razón

как следует: тайга, небо, зверь, птица, рыба. А что человек помирает — так не век же ему жить? Нет, все было в порядке. Правда, бывают и сволочи — так где же их нет? Вот, этот самый пограничник, ну, разве, не сволочь? Степкины мысли вернулись к приключению перед перевалом.

— Конечно, вот, например, там перел перевалом...

Но отец Петр не дал ему закончить: — Я тебя, Степка, знаю — вынешь, и будешь болтать, как старая баба — пошла спать...

ОПЯТЬ ОКУРКИ

Утром у отца Петра вид был сумрачно деловитый. Он лазил по каким то закоулкам пещеры, вытаскивал оттуда какие то свертки, мешки, ящики и складывал все это на полу. Печка уже весело трещала, когда Степка продрал свои глаза, в пещере было тепло и светло, в окно пробивалось болрое осеннее утро. На печке кипел чайник, на столе уже стояла всякая снедь.

— Ну, вставай, Степка, нам эти вещи надо перенести версты тут за две. Пей чай и пошевельвайся.

Степка начал пошевельваться. После чаю отец Петр нагрузил два мешка. — потяжелее для себя и полегче — для Степки: "ты еще не совсем поправился так ты вот этот мешок возьми"...

— А может на Лыску нагрузить?

— Нет, конь там не пройдет. Конь, действительно, не пройдет бы. Отец Петр, сопровождаемый задыхавшимся Степкой, нырнул в какое то ущелье, потом полез куда то вверх и, наконец, очутился перед какой то скважиной в откосе, которую можно

было бы назвать пещерой. Это была узкая длинная дыра в горе и в эту дыру отец Петр сложил свои мешки. В течение двух дней эта операция была проделана несколько раз и Степка только удивлялся, откуда у отца Петра набралось столько скарбу. Четыре мешка были приготовлены, как вьюки. Пещера опустела, стала какой то скучной и голой. Еще оставались постели, стол, еда и водка. Но водки Степке отец Петр больше не давал, да и сам не пил. А водки было много: "пропадет ни к чему" — думал Степка. И в момент отсутствия отца Петра после неолгой и не очень упорной внутренней борьбы налил из бутылки пелью коляжку и фляжку запрягал в свой спиной мешок: "все равно пропадать ей, никому никакой пользы".

На рассвете почти морозного осеннего дня у пещеры появился маленький левзачный сойот с четырьмя копытами. Отец Петр разговаривал с ним на сойотском языке, в котором Степка понимал не больше двух-трех слов. Мешки были навьючены. Отец Петр как то преобразился. Свой наперстный крест он куда то спрятал, за плечами висела винтовка, вид у отца Петра был банально таежный. В седельную сумку он закинул призматическую подзорную трубу, которая вызвала в Степке некоторое недоумение.

— Что это за штукавина?

— По дороге покажу. Айда.

Очухившись снова в тайге, верхом на том же Лыске, Степка почувствовал прилив новых сил. И даже замечал, которая раньше принадлежала вообразимому куму и в которой теперь сидел реальный Еремей Павлович, но казалась ему так уже привлекатель-

Р О З Ы С К И

Прошу откликнуться лиц, окончивших Сувалкскую мужскую гимназию, выпусков 1911 и 1912 г. г.

Писать по адресу Редакции "Нашей Страны". Для Р.

Разыскиваю дядю, Михаила ДЕРИ-ГЛАЗОВА, уроженца гор. Курска. В последний раз видела его в лагере Кипчевск в Германии в 1945 году. Лиц, что либо о нем знающих, прошу сообщить в редакцию "Нашей Страны".

Артиллерийский техник Федор Федорович ПРОХОРОВ и сын его Виктор просят родных и друзей отозваться по адресу:

Sr. Teodoro Prokhoroff,
Calle Catamarca 2058,
Buenos Aires, Argentina

Сын КОСТЯ разыскивает отца, Николая Николаевича ГАБРИЛОВИЧА из Симферополя. Лиц, что либо о нем знающих, убедительно прошу сообщить по адресу:

S. Chatkovski,
Sandy Lane,
Oxton Notts., England

де не haber vuelto a la USSR, y también entiende perfectamente a todos aquellos que siguen escapando del "paraíso" soviético.

Por sus agentes de espionaje Vd. está bien informado, que nosotros (los que escapamos) vivimos en forma que los ciudadanos soviéticos ni sueñan, y que en los países donde nos encontramos ahora gozamos de los mismos derechos que los propios ciudadanos.

(Continuará)

ной. Нет, хорошо все таки в тайге... Правда зимой... Но до зимы было или казалось далеко, а в столь отдаленное будущее Степка не имел привычки заглядывать.

По тропочке, которая вилась по берегу горного ручейка, путники спустились на ту тропу, от которой еще так недавно компания Еремей Павловича поднялась к пещере. Тропа была малоезжей, местами пропадала на каменных осыпях, сойот ехал впереди, отец Петр молчал, а Степка просто наслаждался осенью, тайгой, небом, горами и всем прочим. Верстах в пяти от поворота на тропу, ехавший впереди сойот вдруг остановился и что то сказал отцу Петру — в тоне его было некоторое беспокойство.

— Что тут такое? — спросил Степка.

— Тут люди ходи, — сказал сойот, — три люди. Смотри.

Степка прыгнул с седла. На лужике, пересекавшей тропу были действительно человеческие следы. Спустился и отец Петр.

— Смотри еще раз, — сказал сойот, — три люди.

— Это правильно, — сказал Степка. — Два китайца, один русский, два без каблучков, один в сапогах. Правильно. Ну и черт с ними.

Отец Петр задумчиво стоял над лужиком. Вода была покрыта тонкой пленкой льда и подо льдом были человеческие следы — по всей вероятности, вчерашние.

(Продолжение следует)

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы: От г-жи Р-ской — 11 дол.

"НАША СТРАНА"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaeov. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker. 8 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Васильюти, при церкви на ав. Альвар.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть I — Основные положения.

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответст-

Разыскиваю брата Сильвестра Фотиевича ГАЛАГАНА, проживавшего в Праге (Чехословакия) до 1937-38 г. г. Знающих что либо о нем, прошу сообщить по адресу:

Mrs. Y. Solonskaja
71 Wonsbeck Valley Rd
Cardiff Newcastle N. S. W.
Australia

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires